

Алия

Никак не могу определиться с выбором наряда. Сначала я думаю о чем-то повседневном вроде джинсов и рубашки, но вспоминаю, что там могут быть *его* родители, поэтому выбираю одежду темных тонов — серое платье с круглым вырезом и тонким ремешком. Образ смотрится как-то слишком траурно, и я примеряю шелковое оранжевое платье-рубашку. Но и оно не подходит: выглядит по-весеннему, слишком радостно.

Двери лифта открываются, и я выхожу в коридор. Сейчас раннее утро понедельника, до начала уроков еще час. У меня в руках плетеная корзинка со свежеспеченным печеньем с шоколадной крошкой и открыткой с пожеланием скорейшего выздоровления, покрытой отпечатками губ с розовой и красной помадой. На мне темно-синяя водолазка, бежевая мини-юбка и замшевые ботинки на высоком каблуке. Я накрутила волосы на бигуди и собрала несколько прядей в хвост, оставив волосы распущенными сзади.

Скрещиваю пальцы и молюсь, чтобы не выглядеть настолько же виноватой, насколько себя такой ощущаю.

«Все не так плохо, как могло бы быть», — повторяю я про себя как заклинание. Прошлой ночью все казалось просто ужасным. Рив мешком падает со сцены на

6 *Дженни Хан, Шаван Валлен*

пол в спортивном зале... Такое не просто забыть. Слава богу, его позвоночник цел, есть небольшие царапины и ссадины, но единственная серьезная травма — сломанная малая берцовая кость. Что, насколько я знаю, тоже нехорошо.

Его выпишут из больницы, как только возьмут кучу анализов, чтобы исключить судорожный припадок. По моему, анализы на наркотики у него не брали. Я была уверена в обратном, но Кэт шепнула, что они не станут проверять такого спортсмена, как Рив. Поэтому никто не узнает о том, что я подлила ему в стакан. Рива не исключат из школы, а я не сяду в тюрьму. Сейчас уже ничего не докажешь.

Думаю, мы оба легко отделались.

Мы вернемся к нашей обычной жизни. Что бы это ни значило для каждого из нас. После всего произошедшего в этом году не уверена, что моя жизнь когда-либо снова будет «нормальной» и что я вообще этого захочу. Как будто теперь есть две Лилии: Лилия До и Лилия После. Лилии До все было до лампочки, в ней не было стержня. Она не смогла бы повернуть все это, она бы не знала даже, что делать с самой собой. Теперь я стала намного жестче, уже не такой белой и пушистой. Мне пришлось кое-что пережить и увидеть. Я теперь не просто девочка с пляжа. Все изменилось после того, как мы встретили тех парней.

Раньше я так боялась уехать с Джар Айленда, оказаться вдали от семьи и друзей. А теперь жду не дождусь будущего года и отъезда в колледж, где никто не будет знать ни Лилии До, ни Лилии После. Там я буду для всех просто Лилией.

Женщина в приемном покое замечает меня, улыбается и спрашивает:

— Вы тоже пришли проведать нашу футбольную знаменитость?

Я улыбаюсь в ответ и киваю.

— Его палата в конце коридора.

— Спасибо, — благодарю я. — Там с ним кто-то есть?

— Симпатичная маленькая брюнетка. — Женщина подмигивает мне.

Ренни. По-моему, она сидит там с самой субботы. Я дважды пыталась ей дозвониться, но она так и не перезвонила. Наверняка до сих пор обижается, что я, а не она стала королевой осеннего бала.

Я иду по коридору, крепко сжимая в руках корзинку и открытку. Все вокруг залито флуоресцентным светом, и запах... Если бы я была маленькой, набрала бы в легкие воздух и постаралась бы не дышать как можно дольше. Сейчас у меня получается гораздо лучше, но я больше не играю в эти игры.

Чем ближе я подхожу к палате, тем чаще бьется сердце. Я слышу лишь его стук и скрип моих каблучков по большичному линолеуму. И вот я стою прямо перед дверью. На нее кто-то уже повесил табличку с его именем. Дверь чуть приоткрыта. Я ставлю корзинку на пол, собираясь постучаться, и слышу резкий хрипловатый голос Рива.

— Мне плевать, что говорят доктора! Период моего восстановления не может быть таким долгим. Я на пике физической формы и собираюсь в самые короткие сроки вернуться на поле.

Она всхлипывает.

— Мы им покажем, Риви.

Сзади раздается чье-то шарканье. Это медсестра.

— Извини меня, дорогая, — щебечет она и широко открывает дверь. Затем заходит за занавес, разделяющий комнату пополам, и исчезает в другой половине.

А вот и Рив. Он в застиранной больничной одежде, небритый, на подбородке какие-то крошки, а под глазами синие круги. На одной руке — капельница, нога от пятки до бедра в гипсе, а торчащие из-под него пальцы фиолетовые и опухшие. На руках тоже полно ссадин и порезов, скорее всего из-за стекла, осыпавшего нас всех тем вечером. На самые крупные порезы наложены аккуратные швы. На больничной кровати он кажется непривычно маленьким, совсем не похожим на себя.

У Ренни красные глаза, она щурится, когда замечает меня.

Я сглатываю и протягиваю ему открытку.

— Это от девочек из нашей команды. Они все... все желают тебе всего самого хорошего. — Потом я вспоминаю про печенье и уже собираюсь подойти к Риву, чтобы отдать корзинку, но передумываю и сажусь на стул у двери.

— Я принесла тебе печенье с шоколадной крошкой. Помню, что в прошлом году на распродаже сладостей в Кей Клубе тебе понравилось, как я его пеку. — Зачем это говорю?

Рив быстро вытирает глаза уголком простыни.

— Спасибо, но я не ем никакой вредной пищи во время футбольного сезона.

Не могу сдержаться и опускаю взгляд на гипс.

— Ну да... Прости.

— Вот-вот должен прийти доктор, чтобы его снять, — говорит Ренни. — Наверное, тебе нужно уйти.

Чувствую, что мое лицо краснеет.

— Да, конечно. Выздоровливай, Рив. — Не уверена, кажется мне или нет, но, когда он смотрит на меня поверх плеча Ренни, я вижу в его глазах ненависть. Потом он их закрывает.

— Пока, — шепчет он.

Я пробегаю половину коридора и только потом останавливаюсь, вдыхаю воздух. У меня дрожат колени, в руке по-прежнему зажата открытка.

Кэт

— Он сдох, — говорю я и роняю голову на руль. —
Признаки жизни отсутствуют.

Мой старший брат Пэт вытирает руки грязной тряпкой.

— Кэт, кончай разыгрывать здесь драму и снова поверни чертов ключ. — Я делаю, что меня просят, и поворачиваю ключ зажигания нашего старенького кабриолета. Ничего не происходит. Не слышно ни звука, ни шороха. Ничего.

— Это глупо, — говорю я. Хоть Пэт и знаток двигателей, но не в случае с этим драндулетом. Нашей семье позарез нужна новая машина или по крайней мере та, которую выпустили не раньше последнего десятилетия. Я вылезая и хлопаю дверь так, что трясется кабриолет. — Мне не очень-то хочется ходить в школу пешком и морозить задницу на ветру. Или, что еще хуже, ездить на школьном автобусе. Привет! Я выпускница...

Пэт кидает на меня сердитый взгляд, снова подходит к двигателю, открывает капот и становится между фарами. Несколько его друзей, окружив машину, наблюдают за происходящим, попутно опустошая запасы папиного пива. Это их любимое времяпрепровождение в понедельник вечером. Пэт просит Скитера подать ему

гаечный ключ, которым он тут же начинает стучать по металлу.

Я становлюсь рядом с братом.

— Может, это аккумулятор? По-моему, радио выключилось до того, как эта рухлядь сдохла.

Это случилось сегодня вечером. Я решила прогулять восьмой урок и заехать к Мэри. Не видела ее на переменах и решила проверить, что с ней. Наверняка Мэри до сих пор в шоке от того, что случилось в школе во время осеннего бала. Она чуть с ума не сошла, когда узнала, что Рив пострадал. Бедняжка. Но далеко я не уехала, машина встала прямо на школьной парковке.

Первой моей мыслью было: «Неужели это карма?»

Надеюсь, что нет.

Пэт поворачивается, чтобы взять очередной инструмент, и чуть не задевает меня по заднице.

— Господи, успокойся ты или нет? Иди покури или еще чем-нибудь займись.

Последние дни я была немного не в себе. Но кто бы не был после того, что случилось на осеннем балу?

Мне и в кошмарном сне не снилось, что Рива погружают на каталке в скорую помощь. Нам всего лишь хотелось, чтобы его выгнали из футбольной команды. Мы не думали, что он попадет в больницу.

Я не устаю себе напоминать, что мы не виноваты. Виновато короткое замыкание. Даже в газетах это сегодня написали. Так и было. Именно взрывы испугали Рива, и из-за этого он упал со сцены. А вовсе не то, что Лилия подлила ему в стакан. Против фактов не попрешь.

Честно говоря, это короткое замыкание здорово сыграло нам на руку. Ужасно, что много народа получило травмы. У кучи детей порезы от упавшего стекла, им

наложили швы, у парня из младшего класса ожог руки, а один из учителей отравился дымом. Но короткое замыкание, фигурально выражаясь, вывело нас из-под огня. Травма Рива оказалась всего лишь следствием возникшего хаоса. После всего, что случилось, он никогда в жизни не вспомнит, что именно Лилия подала ему стакан.

Во всяком случае именно в этом я ее пыталась убедить.

Пэт протягивает серебристый масляный щуп приятелям, и они качают головами, как будто видят нечто непостижимое.

— Черт, Кэт! Когда ты в последний раз проверяла масло?

— Я всегда считала, что это твоя обязанность.

— Это же элементарное техническое обслуживание. Я закатываю глаза.

— Ты брал мои сигареты?

— Одну или две, — говорит он смущенно и показывает на свой рабочий стол. Я иду туда и вижу пустую пачку. Беру ее и швыряю ему в голову.

— Хочешь, поедem со мной на заправку? — спрашивает меня Рикки, держа в руке шлем. — Мне надо залить бензин.

— Спасибо, Рикки.

Мы выходим из гаража, Рикки кладет руку мне на поясницу, и я мгновенно вспоминаю об Алексе Линде на балу, как галантно он уводит Лилию в безопасное место. Как бы мне хотелось об этом забыть. Не то чтобы я ревновала, просто у меня сводит живот из-за нехватки хлопьев на завтрак. Интересно, он просто вежлив с ней или втюрился? Хотя мне наплевать. Я забираюсь на байк за

спину Рикки и вжимаюсь в него изо всех сил, так, что наши тела становятся очень близко друг к другу.

Он поворачивает голову и, перед тем, как надвинуть на глаза стекло шлема, говорит низким голосом:

— Ты меня просто убиваешь. Понимаешь?

Я вижу свое отражение и понимаю, что выгляжу очень сексуально. Подмигиваю и одариваю его невинным взглядом.

— Вперед! — команду я. И он заставляет свой мотоцикл взрывать, чтобы покрасоваться передо мной.

По правде говоря, если я хочу парня, то его получаю. Это касается и Алекса Линда.

Дороги почти пустые, когда солнце заходит за серый горизонт. Вот так на Джар Айленд приходит осень. Почти половина летнего населения разъезжается. Конечно, есть чудики, которые приезжают полюбоваться природой и все такое, но, как ни крути, наступает мертвый и депрессивный сезон. Большинство ресторанов и магазинов уже закрыты до следующего года, а я жду не дожусь, когда в будущем году уеду и буду в другом месте. Хорошо, если это будет в Огайо, в уютном студенческом общежитии в Оберлине. Хотя я буду чувствовать себя отлично в любом месте, кроме Джар Айленда.

Пока Рикки управляет байк, покупаю в магазине при заправке пачку сигарет. Курение обходится дорого, надо бы бросить, чтобы сэкономить деньги для колледжа. Возвращаюсь к мотоциклу и замечаю на дороге съезд к Мидлбери, к дому Мэри.

— Эй, Рик, ты торопишься назад?

Он усмехается.

— И куда мы поедем?

Я показываю на дорогу, которая ведет к дому Мэри. Дверь никто не открывает, даже ее странная тетя. Из почтового ящика выглядывает куча корреспонденции, а лужайка заросла почище нашего Шэпа. Я обхожу дом, поднимаю с земли камень, чтобы бросить в окно Мэри на втором этаже. В ее комнате темно, а шторы задернуты. Я проверила остальные окна. Ни в одном из них не горит свет. Дом выглядит, скажем так, жутковато. Камень выпадает из моей руки.

Хорошо бы мне поговорить с Мэри хоть пару секунд. Мне кажется, ей стало бы легче. Мэри совершенно не за что чувствовать себя виноватой. Этот паршивец получил по заслугам. Она должна заняться собственной жизнью, не тратя ни секунды на Рива Табатски.

Мэри

Два дня напролет я проплакала. Не могла ни есть, ни спать, ничем другим заниматься.

Слышу, как тетя Бэтт в ванной умывается и чистит зубы. Это ее ежедневный ритуал. По дороге в спальню она останавливается рядом с моей комнатой — халат плотно завернут вокруг талии, а подмышкой куча газет.

Я лежу на своей скомканной кровати, гляжу в потолок и не могу даже заставить себя пожелать ей спокойной ночи.

Тетя Бэтт стоит у двери и смотрит на меня несколько секунд.

— В сегодняшней газете есть статья. — Она протягивает газету. На первой полосе репортаж о несчастном случае во время танцев, о том пожаре. На фотографии черный дым валит из окон спортзала, толпа подростков выбегает из дверей. — Они считают, что во всем виновато короткое замыкание.

Я отворачиваюсь от нее к стене, мне не хочется говорить об осеннем бале. И думать о нем не хочу. Миллион раз прокрутила у себя в голове, как и почему все пошло не так.

В тот вечер я почувствовала себя готовой ко встрече с ним. Я была в красивом платье, гордая, сильная, из-

менившаяся. Представляла, как это могло произойти. Рив будет не в себе и непременно заметит меня в толпе. Что-то во мне покажется ему знакомым. Его ко мне потянет. Ему покажется, что я прекрасна.

Как только наши взгляды пересекутся, я дотронусь до кулона, который он подарил мне на день рождения, улыбнусь и подожду, пока он догадается, кто я такая. А тем временем учителя будут видеть, что поведение Рива становится все более неадекватным, они почувствуют неладное. И как только до него дойдет, кто я, его схватят, отведут в администрацию школы и накажут, как он того заслуживает.

Но ничего подобного не случилось.

Рив узнал меня, как только увидел, несмотря на то что я так изменилась с седьмого класса. Он сразу узнал ту самую толстую дуреху, которая с чего-то вообразила, что он ее друг. Рив увидел Большое яблоко.

Услышать такое было для меня ударом под дых, как будто он снова толкнул меня в темную и холодную воду. Я навсегда останусь для него такой. И никем больше. Я так разозлилась и сорвалась с катушек.

— Парень, который получил травму, оказывается, лучший футбольный игрок школы.

— Его зовут Рив. Рив Табатски, — спокойно отвечаю я.

— Знаю. — Тетя подошла ближе. — Это тот мальчик, который тебя обидел?

Я не отвечаю, лишь крепко сжимаю губы.

— Мы с тобой говорили о нем за чашкой горячего шоколада, когда я приезжала к вам на Рождество. Помнишь?

Помню. Надеюсь, что тетя сможет дать мне хороший совет, как сделать, чтобы Рив всегда вел себя со мной так, как на пароме, в окружении других людей. Я думала, что она меня понимает. Но тетя Бэтт лишь попросила в следующий раз, когда Рив станет унижать меня при других, пойти и пожаловаться учителям.

— Это научит его держаться от тебя подальше.

Подальше? Именно этого мне и не хотелось больше всего.

Именно тогда я узнала, что взрослые ничего не понимают. Ни до кого так и не дошло, какие отношения нас с ним связывают.

Я слышу, как тетя Бэтт рядом с моей кроватью делает несколько судорожных вдохов.

— И ты тогда...

Я поворачиваюсь к ней.

— Что я тогда? — вырывается у меня помимо воли. Неужели она не видит, я не в настроении с ней разговаривать?

Тетя с удивлением смотрит в мою сторону.

— Ничего, — отвечает она и выходит из комнаты.

Я больше не могу сдерживаться. Встаю, накидываю на плечи поверх ночной рубашки свитер, влезаю в тапочки и выхожу через заднюю дверь.

Я иду по Главной улице к скалам. Всегда любила стоять на вершине одной из них — той, с которой можно было смотреть вдаль.

Но сегодня была одна темнота. Темнота и покой, как на краю света. Я передвигаю ноги, пока кончики тапок не начинают висеть над краем. Из-под ног вылетает несколько камней, и я не слышу, как они падают в воду. Их падение будет продолжаться вечно.

Вместо этого у меня в голове звучит голос Рива на осеннем балу: «Большое яблоко». Этот голос раздается снова и снова, как эхо.

Я сжимаю кулаки и пытаюсь прогнать из головы мысли о том, что сейчас произойдет. Но это не работает. Никогда не работало.

Как и в тот раз, когда Ренни упала с вершины пирамиды.

И когда замки на всех шкафчиках вдруг разом открылись.

Со мной явно не все в порядке. Я чувствую себя сломанной.

Облако перестало закрывать луну, как будто поднялся театральный занавес. Ее свет отразился на поверхности мокрых скал, и все вокруг заблестело. Впереди виднеется узкий проход между скалами, ведущий вниз. Я иду до самого края тропинки и опускаю взгляд. Далеко внизу волны с шумом разбиваются о камни, поднимая в воздух снопы брызг.

Еще один шаг, один шаг, и все кончится.

Все, что наделала я и что сделали со мной, смоят волны.

Неожиданно порывом ветра меня толкает почти к самому краю. Я падаю на колени и ползу назад.

Меня не отпускает лишь одно — Рив.

Я люблю его, несмотря на все, что он мне сделал, и не знаю, как избавиться от этой любви. Но самое печальное — я не знаю, хочу ли этого.